

№ 188. ПЯТНИЦА, 9 ИЮЛЯ 1904 г.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки на годъ 7 р., на 6 мѣс. 3 р.,
до к., на 3 м. 1 р. 25 к. на 2 мѣс. 1 р. 25 к., на
1 мѣс. 65 к.

Съ доставкою и пересылкою: на годъ 8 р.,
на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 2 мѣс. 1 р. 50 к.,
на 1 мѣс. 75 к. Отдѣльные №№ въ конторѣ ре-
дакціи и мѣстатъ продажи по 5 к.

За перемѣну адреса иногородн. подписч. упла-
тва 30 к., а городскіе, переходя въ иногор., — 50 к.

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго
мѣсяца.

Подписная плата за границу: в двоянѣ про-
тивъ бездоставочныхъ цѣнъ. Подписка и
объявленія принимаются въ главной конторѣ
редакціи (Крещатикъ, № 36), отъ 10 ч. утра до 8 ч.
веч., въ праздники отъ 12 до 3 ч. дня.

Адресъ типогр. газеты: Пушкинская 4.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ПЯТНИЦА, 9 ИЮЛЯ 1904 г. № 188.

КРЕВСКІЕ ОТКЛЫКИ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА.

УСЛОВІЯ ПЕЧАТАНІЯ ОБЪЯВЛЕНІИ

За одну строку въ столбцѣ или въ нѣсколькихъ
реми текста за первый разъ 20 к., за каждый слѣ-
дующій разъ по 20 к.; поэтич. текстъ — за первый
разъ 20 к., за слѣд. разы по 10 к. При объявленіи
объявленій, дѣлаются соотвѣствующія поуступки.
Лица, ищущія труда, пользуются поуступкою въ раз-
мѣрѣ 50%.

Рукописи должны быть съ полной подписью
и пересочъ автора и подлечать, въ случаѣ на-
добности, измѣненій и сокращеній. Желаю-
щіе получить обратно напечатанные рукописи
должны приложить марку на пересылку. Мелкіе
статьи, замѣтки и стилистическіе не возвращаются.

Редакція для личныхъ объясненій открыта
ежедневно отъ 3 до 4 ч. дня.

Редакція и гл. контора помѣщ.: Крещ. 36. Тел. № 533.

Печать.

* * Въ грудѣ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ, — въ большинствѣ безцвѣтныхъ, претенціозныхъ и внушающихъ къ себѣ всякія подозрѣнія, — выгодно выдѣляется статья г. Аббадонны въ „Руси“, написанная искренно, красиво и съ тонкимъ пониманіемъ особенностей творчества покойнаго.

Умеръ великій Панъ! великій Панъ русской природы, русскаго бытового уклада. Умеръ человекъ, который дышалъ одною жизнью съ Россіей, который весь былъ сотканъ изъ русской стихіи, грустной, покаянной, самопроявляющей, самоубивающей... Умеръ гениальный художникъ, проникновеннымъ чутьемъ своимъ создавшій столько русскихъ, неотъемлемыхъ отъ насъ, плоть отъ плоти и кость отъ костей нашихъ, типовъ, что если-бы собрать и поселить вмѣстѣ всѣ дѣйствующія лица Чехова, то возникъ-бы цѣлый уѣздный городъ. И былъ-бы онъ — настоящій русскій городъ, какъ почти всѣ наши великорусскіе города: географическая точка мѣстонахожденія въ одномъ сборномъ пунктѣ нѣсколькихъ тысячъ людей, недоумѣвающихъ, зачѣмъ они существуютъ, зачѣмъ тянулось и извивалось ихъ прошлое, куда поведетъ будущее, и стоитъ-ли его ждать...

Сейчасъ не время и не мѣсто оцѣнивать и подсчитывать громадность потери. Она ошеломляетъ, подавляетъ, отъ нея, проклятой и неожиданной, опомниться нельзя! Боже мой! Передо мною лежитъ его недавнее письмо — милое, веселое письмо о „Вишневомъ Садѣ“, съ бодрыми шутками, съ обѣщаніемъ скоро увидѣться... Боже мой! Онъ только что собирался ѣхать на войну, врачомъ. Боже мой! Давно-ли онъ улыбался Москвѣ, — кто думалъ, кто могъ, кто посмѣлъ-бы думать, что прощальною улыбкою?

Я узналъ Антона Павловича двадцать два года назадъ, въ редакціи юмористическаго журнала, когда онъ былъ молодой, здоровый, веселый, полный какой-то почти произвольной даже, механической будто, наблюдательности, со смѣхомъ въ юныхъ глазахъ и серьезными складками надъ глазами, — когда онъ звался Антошею Чехонте и говорилъ мнѣ своимъ глуховатымъ басомъ:

— Когда мнѣ будутъ платить 15 копѣекъ за строчку, я закажу себѣ фракъ и стану думать, что я великій писатель.

Обманывалъ ты, згаль на себя — никогда не лгавшій человекъ! Строки Чехова давно уже стали драгоцѣннѣе золота, а великимъ писателемъ считать себя онъ такъ и не выучился, и когда чья-либо восторженная критика или благоговѣйная бесѣда говорили ему: пойми-же самого себя, взгляни и возрадуйся, какъ ты великъ! — онъ отступалъ, смущенный, сконфуженный, почти въ испугѣ. Чеховъ былъ человекъ скептицизма, истинно трагическаго. Онъ чувствовалъ себя въ жизни, какъ чувствовалъ-бы естествоиспытатель огромныхъ знаній и притомъ съ зрѣніемъ, обостреннымъ до силы микроскопа. Онъ проникалъ и въ другихъ, и въ самого себя до послѣднихъ глубинъ человѣческой природы, до мельчайшихъ пружинокъ ея таинственнаго механизма. И вотъ, въ концѣ-концовъ, онъ изъ говорливаго юноши, съ смѣющимися глазами, переродился въ молчаливаго, преждевременно пожилого человека, а въ глазахъ его появилась и застыла ясная и неподвижная, внутри себя обращенная скорбь — роковая скорбь страдающего „человѣкобога“, ушедшаго въ прозорли-

выя тайны самопознанія, недоступныя къ пониманію даже лучшимъ изъ умовъ обыкновенныхъ, и потому одинокаго, одинокаго, одинокаго въ жизни, какъ печальный полубогъ-полувѣтеръ, мечтающій сфиксѣ средѣ пустыни.

Успѣхъ свой А. П. Чеховъ принималъ какъ-то грустно, скептически, безъ печальной насмѣшки втайнѣ и надъ самымъ собою, и надъ честию воздающими...

Пессимистическій потомокъ Экклезіаста, онъ носилъ его начертаніе въ сердцѣ своемъ: *vanitas vanitatum et omnia vanitas*. Я вспоминаю Чехова, послѣ первыхъ петербургскихъ лавровъ и пушкинской преміи, въ дружескомъ домѣ одного московскаго поэта, угрюмымъ, какъ ночь.

Спрашиваютъ его:

— Что же вы подѣлывали въ Петербургѣ?

— Учился говорить генеральскимъ басомъ.

Хозяйка его попрекнула.

— Вы насъ совсѣмъ забыли, Антонъ Павловичъ. Отчего перестали у насъ бывать?

Онъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Да, вотъ, говорятъ, мы, великіе люди, должны знаться тоже только съ великими.

Фраза эта совсѣмъ ошеломила было бѣдную даму, но, когда она, вскипѣвъ, пристально взглянула на Чехова, то встрѣтила такой печальный взглядъ, такую страдальческую улыбку, что сразу поняла тяжелую иронию отвѣта. Величіе упало на плечи Чехова, какъ неожиданный, сверхсильный грузъ, и онъ потомъ, до конца дней, все щупалъ свои мускулы: въ подъемъ-ли? выдержу-ли? оправдаю-ли? Его долго мучила мысль, что онъ не написалъ романа (чѣмъ, кстати сказать, часто и безъ толка попрекала его прежде критика), и, сколько разъ ни видалъ я его до 1898 года, въ каждое свиданіе онъ намекалъ на начатый или задуманный планъ романа.

Почетомъ Чеховъ дорожилъ совсѣмъ мало.

Человѣкъ отнюдь не боевой, онъ не стремился въ вожди, не хотѣлъ и не умѣлъ быть воителемъ, но въ доблести стоять на своемъ убѣжденіи противъ какихъ-бы то ни было сильныхъ теченій врядъ-ли много ровесниковъ у Чехова среди интеллигентной Россіи. Какіе-бы вѣтры ни дули, онъ русскій Экклезіастъ, стоялъ подъ ними недвижимый и печальный, и говорилъ правду, одну голую, горькую правду. Дестъ—тѣнямъ-ли прошлаго, силамъ-ли настоящаго, всходамъ-ли будущаго—ни разу не осквернила его вѣщихъ устъ... Это былъ органически безобманный человѣкъ, не нуждавшійся ни въ мишурѣ, ни въ дешевыхъ рукоплесканіяхъ. И вотъ ужъ—правда-то: „Возлець умеръ ты, какъ жилъ“.

Антонъ Павловичъ былъ очень обрадованъ успѣхомъ „Вишневаго сада“, но его скептицизмъ къ самоощущенію не покинулъ его и здѣсь. Когда, на шумномъ московскомъ чествованіи, разволнованный Владиміръ Ив. Немировичъ-Данченко приступилъ къ чтенію адреса, начинавшагося обращеніемъ:

— Дорогой многоуважаемый Антонъ Павловичъ!

Многіе замѣтили, что Чеховъ улыбнулся... Потомъ, на вопросы, онъ объяснилъ свою улыбку:

— Послушайте-же, я же вспомнилъ. Меня чествовали послѣ второго акта, а въ первомъ Гаевъ говоритъ именно такую рѣчь къ столѣтнему книжному шкафу... „Дорогой, многоуважаемый шкафъ!“... Я вспомнилъ...